

# Есть ли будущее у Чернобыля?

ОДНИМ ИЗ СЛОЖНЫХ и весьма важных биогеохимических комплексов, играющих огромную роль в радиоэкологических процессах, является лес. В зоне катастрофы он занимает почти половину всей территории. Значение лесов в задержании и перераспределении выпавших радионуклидов трудно переоценить. Леса способствовали локализации большинства выброшенных из реактора активных частиц и сыграли роль мощного буфера, в значительной степени аккумулировав их в кронах деревьев, а затем в лесной подстилке. Велика роль лесов в сокращении пылепереноса и миграции радионуклидов. Об этом уже не раз говорилось во многих публикациях, и, казалось бы, нет смысла вновь повторяться. Все согласны, что леса в 30-километровой зоне нужно беречь, а по мнению большинства экологов необходимо значительно увеличить их площадь за счет посадок деревьев на бывших сельскохозяйственных угодьях. Это на словах, а что же на деле?

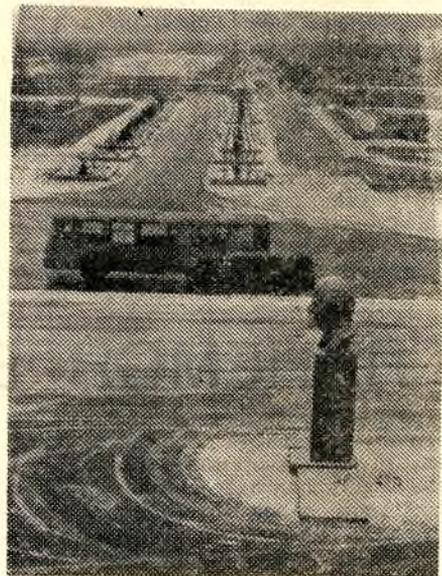
По заданию редакции наш специальный корреспондент Александр КАРАСЮК связался с Институтом биологии Коми научного центра УрОРАН. Директор института А. И. Таскаев и зав. отделом лесобиологических проблем Севера этого института Г. М. Козубов согласились осветить эти вопросы в «Вестнике Чернобыля».

В середине дня 8 октября 1992 года мы были очевидцами необычной картины: через центральную улицу Чернобыля неспеша перешел огромный дикий кабан, не обращая особого внимания ни на нас, ни на приближающийся на большой скорости самосвал. В 1992 году в Чернобыле был обильный урожай орехов, яблок, каштанов и выбор деликатесов для кабанов довольно широк. В то же время за шесть с лишним лет, прошедших после аварии, большая часть города, особенно приречная часть, превратилась в непролазную чащобу, в которой едва можно различить разрушающиеся дома. Людей в Чернобыле становится все меньше, а город без жителей умирает...

Нам невольно вспомнился Чернобыль 1986 года, когда город был наполнен шумом моторов, по его улицам проносились бронетранспортеры, в воздухе непрерывно шли тяжелые вертолеты, все улицы были

заполнены военными и гражданскими ликвидаторами аварии. Обстановка была поистине фронтовая. Сейчас многое уже воспринимается по-другому, но ведь подобная авария превзошла все мыслимые масштабы, впервые человечеству пришлось решать многие сложные проблемы одновременно. Нужно было срочно принять меры по укрытию «мятежного» реактора, эвакуировать сотни тысяч людей, провести срочную дезактивацию на ряде объектов, обеспечить десятки тысяч людей обмундированием, питанием, жильем, наладить надежную связь, пути транспорта и т. д.

Авторы настоящей статьи с 1986 года проводят исследования по влиянию радиоактивного загрязнения на животный и растительный мир в 30-км зоне ЧАЭС. Появление сотrudников Института биологии из далекой Республики Коми в зоне аварии было не случайно: отдел радиобиологии в институте создан более



30 лет назад, и его коллектив накопил большой опыт в изучении действия хронического облучения на живые системы. Наличие высококвалифицированных кадров и сложного научного оборудования позволило сотрудникам института организовать комплексные радиологические исследования уже в первые недели после аварии. Эти работы продолжают и сейчас.

Следует отметить, что в 1987 и 1988 годах в зоне много делалось для восстановления погибших и выкорчеванных лесов. Под руководством сотрудников отдела радиологии и рекультивации бывшего ПО «Комбинат» Н. П. Архилова, И. С. Федотова и Н. Д. Кучмы из УкрНИИЛХА посадки леса проводились на сотнях гектаров. Сейчас они уже поднялись зелеными рядами на безжизненных ранее полях. Но затем объемы лесных посадок стали быстро сокращаться.

[Окончание на 2 стр.]

# ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ЧЕРНОБЫЛЯ?

● Зона:  
практика и проблемы



Леса в 30-км зоне — это искусственно созданные насаждения, на 80 процентов состоящие из сосновых древостоев, 30—40-летнего возраста. Это весьма пожароопасные леса; с сравнительно слабой природной устойчивостью. С самого начала работ — с осени 1986 года мы, как и большинство других исследователей, занимающихся проблемой лесной радиоэкологии, учитывая критическое состояние лесов в 30-км зоне, неоднократно обращались вначале в Правительственную комиссию, а руководству ПО «Комбинат», а затем в НИО «Припять» с предложениями немедленно создать здесь специализированное лесохозяйственное подразделение. Однако до последнего времени все эти предложения так и не были приняты во внимание.

Полностью погибших лесов в 1988 году оказалось около 600—700 гектаров. Репарационные процессы на подавляющей площади лесов в 30-км зоне завершились в 1989—1990 годах. Даже в сублетальной зоне поражения практически все сохранившие жизнеспособность деревья спустя 4—5 лет начали интенсивно расти и плодоносить. Одновременно необычайно возросла плотность их заселения представителями животного мира. Однако санитарное состояние лесов резко ухудшилось. Если до аварии в 30-км зоне вело хозяйство три лесхозага, в которых работали сотни работников лесной охраны, то после аварии все леса здесь остались бесхозными. Любое обострение пожарной обстановки грозило бедой, и 1992 год подтвердил это: прекрасные сосновые леса были уничтожены огнем на площади около 4—5 тысяч гектаров. Это более чем в 5 раз превышает площадь лесов, погибших от радиационного воздействия. На сотнях гектаров лежат поваленные ураганом деревья, на тысячах гектаров необходимы срочные меры по уходу за лесом.

Настоящим бичом стало захламление лесов различным строительным мусором, пищевыми отходами, использованной спецодеждой и брошенной техникой. Это не только хлам, но и источник самовозгорания, особенно в сухую и жаркую погоду. Сейчас, после катастрофических для зоны пожаров, наконец-то приступили к созданию спецлесхоза, а в составе Научно-технического центра организован отдел леса. Но кто подсчитает, сколько теперь потребуются средств и труда, чтобы восстановить погибшие из-за бесхозяйственности леса? И кто может сказать, сколько кюри радионуклидов улетело с дымом при пожарах, которые бушевали на площадях с довольно высокой еще плотностью радиоактивного загрязнения? Остается надеяться, что лето 1992 года чему-нибудь все же научит хозяев зоны ЧАЭС.

Проработав шесть лет в зоне, причем не в Чернобыле и даже не в Припяти, а в лесах 10-км зоны, где экспозиционные дозы в 1986-м

и весной 1987 года доходили до 0,5—1,5 рентген в час, да и сейчас в отдельных местах составляют 15—30 миллирентген в час, все чаще задаешь себе вопрос — а нужны ли были все эти наши затраты сил, средств и здоровья? Чего же мы достигли и какой ценой, а главное, — кому нужен этот огромный материал, который был получен за эти годы? К сожалению, дать однозначный ответ на эти вопросы не просто. В 1986—1988 годах в зоне работали десятки научно-исследовательских организаций, изучающих в той или иной степени воздействие радиации на лесные экосистемы, распределение и миграцию радионуклидов в компонентах леса, велись работы по организации длительного и широкомасштабного радиационного мониторинга. Сейчас из этих организаций в зоне остались единицы. Полученный поистине огромный и уникальный научно-экспериментальный материал большей частью распылен среди исполнителей и практически бесполезно осел в архивах многих организаций.

Практически, кроме одной изданной Институтом биологии Коми научного центра монографии, никаких значительных обобщающих работ по лесным экосистемам так до сих пор и не опубликовано. Исследователи, работавшие в зоне, переходят в другие организации, уходят на пенсию, а некоторых уже нет в живых... Работа в зоне ни для кого не проходит бесследно! Пока еще есть возможность, Минчернобылю Украины, по нашему мнению, в ближайшее время следовало бы разработать с участием всех заинтересованных сторон координационную программу и выделить средства для опубликования обобщающих работ по конкретным экологическим про-

блемам, ибо потом уже будет поздно. А потребность в таких публикациях крайне высока. Учитывая международное значение подобных сводок, часть тиража должна быть либо издана на английском языке, либо каждую монографию сопровождать подробными резюме на этом языке. Финансовое обеспечение этих изданий ничтожно мало по сравнению с теми средствами, что до сих пор расходуются на Чернобыль, но значение подобных публикаций огромно — собрать, обобщить и сохранить ценнейшую научно-техническую информацию.

Необходимость в подобных изданиях особенно возросла после перехода зоны в подчинение Минчернобыля Украины. Не секрет, что среди довольно обширного круга исследователей в первые годы после аварии в 30-км зоне представителей Украины было немного. А изучение последствий воздействия аварии на биологические системы без данных по острому облучению в 1986 году и в начале 1987 года во многом теряют научную ценность. Те же научные отчеты, что передавались организациями в свое время в ПО «Комбинат», не только не отражают и десятой доли фактически полученного материала, но и никем не обобщаются.

В первые годы в Чернобыле сложился многонациональный коллектив исследователей. Но в последнее время происходит значительный отток высококвалифицированных кадров из «ближнего зарубежья». Руководству НПО «Припять», по нашему мнению, следовало бы также практиковать привлечение в качестве советников наиболее квалифицированных научных работников, хорошо знающих радиационные условия 30-км зоны и имеющих опыт работы в ней.

Однако первоочередной задачей для Минчернобыля Украины и НИО «Припять», очевидно, должна стать разработка долгосрочной — на 15—20 лет — программы проведения научно-исследовательских работ и хозяйственного использования 30-км зоны. Сейчас мы подошли к тому рубежу, когда полученные материалы уже позволяют с достаточной степенью достоверности разработать конкретные долгосрочные мероприятия по сохранению биоэкологических комплексов и проведению проблемных научных исследований по их изучению, а там, где это возможно, уже завтра практически осваивать имеющиеся в зоне природные ресурсы. Для лесов это прежде всего организация долгосрочных исследований на экспериментальных полигонах, радиомониторинг лесных насаждений, создание опытных посадок с использованием быстрорастущих и хозяйственно-ценных древесных и кустарниковых пород, в том числе и инорайонных, проведение генетико-селекционных работ. На 60—70 процентах всей лесопокрытой площади зоны можно и нужно вести уход за лесом, особенно в горельниках и участках с ветровалом, где в настоящее время гибнут десятки тысяч кубометров хвойной древесины, пригодной для хозяйственного использования в зоне и в прилегающих к ней районах.

Вообще в зоне необходимо испытать и, при положительных результатах, внедрить нетрадиционные отрасли хозяйства. В качестве примера можно привести уже проводимые под руководством Л. П. Фильчагова исследования по пушному звероводству. Перспективным и прибыльным, по нашему мнению, могло бы стать в зоне коневодство, особенно с учетом развития фермерских хозяйств. Уже сейчас в зоне отселения можно практиковать спортивный отстрел кабанов, которые, как уже упоминалось в начале статьи, заполнили даже сам Чернобыль.

История этого старинного украинского города насчитывает почти тысячу лет, а в наши дни его имя стало символом трагедии из-за беспечности в обращении с силами природы. Наше мнение — город следует сохранить, хотя бы частично, для будущих поколений как научный полигон, как пример проведения сложных хозяйственных мероприятий в условиях повышенной радиоактивности в большом регионе, ведь площадь зоны 3,5 тысячи квадратных километров. На вопрос, поставленный в заголовке статьи, думаем, должен быть дан положительный ответ!

**А. ТАСКАЕВ**,  
директор Института биологии Коми научного центра УрОРАН, зав. отделом радиобиологии, кандидат биологических наук.

**Г. КОЗУБОВ**,  
зав. отделом лесобинологических проблем Севера Института биологии, доктор биологических наук, профессор.

Фото Сергея КОЛОМИЙЦА.

Фото (на 1 стр.) Георгия ОВСИЕНКО.